

О НАУЧНО-МЕССИАНСКОЙ НОВИЗНЕ ЭВОЛЮЦИОННО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТЕОРИИ А. Д. КОШЕЛЕВА

С. Л. ПОПОВ. ЩОДО НАУКОВО-МЕСІАНСЬКОЇ НОВИЗНИ ЕВОЛЮЦІЙНО-СИНТЕТИЧНОЇ МОВНОЇ ТЕОРІЇ О. Д. КОШЕЛЄВА.

У статті аналізується коректність визначення сутності еволюційно-синтетичної мовної теорії О. Д. Кошелева як науково нової і доволі глибоко аргументованої. Послідовно доводиться, що науково-месіанська новизна цієї теорії є достатньо відносною, а сама теорія вбачається недостатньо глибоко поміркованою стосовно чинників і наслідків сутностей, що постулюються. У статті показано, що 1) застосовані до мови поняття сенсорності і функційності не можуть вважатися науково новими, бо відповідають широко відомим філософським поняттям емпіризму і раціоналізму; 2) підходи Аристотеля і Дж. Лакоффа до визначення пов'язаних з мовою розумових категорій не можна визнати антагоністичними, тому що вони доповнюють один одного; 3) висунуте О. Д. Кошелевим положення про мовну кореляцію онтогенезу і філогенезу не є науково новим, оскільки вперше було запропоновано ще Л. С. Виготським і під сучасну пору активно розробляється; 4) розширення переліку лінгвістично важливих когнітивних наук когнітивними структурами являє собою підміну поняття, а пропозиція включити соціологію в число лінгвістично важливих когнітивних наук вбачається запізнілим; 5) моделлю людини, в якій мислення і мова підпорядковуються діяльності, не витримує критики, оскільки не враховує, що будь-якому вибору нового виду діяльності передують такі, що обумовлюють якість мислення, сприйняття цієї можливості як альтернативи, з чого випливає, що таке, що впливає на мову, мислення не підпорядковується діяльності, а мотивує вибір її видів; 6) розширення морганівської періодизації етнічного прогресу періодами машинізації, комп'ютеризації і роботизації некоректно, оскільки вони є результатами властивого тільки цивілізації розвитку альтернативності сприйняття і зумовленої нею абстрактності мислення і, як наслідок, продуктами такої, що виникла тільки за цих когнітивних умов, теоретичної науки; це обумовлює невід'ємність машинізації, комп'ютеризації і роботизації від цивілізації.

Ключові слова: сенсорна (емпірична) підмова, функційна (раціоналістична) підмова, розумові категорії, еволюція, онтогенез і філогенез, когнітивні науки, етнос і мова, періодизація етнічного прогресу, сприйняття.

С. Л. ПОПОВ. О НАУЧНО-МЕССИАНСКОЙ НОВИЗНЕ ЭВОЛЮЦИОННО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТЕОРИИ А. Д. КОШЕЛЕВА.

В статье анализируется корректность определения сущности эволюционно-синтетической языковой теории А. Д. Кошелева как научно новой и достаточно глубоко аргументированной. Последовательно доказывается, что научно-мессианская новизна этой теории является вполне относительной, а сама теория представляется недостаточно глубоко продуманной в отношении причин и следствий постулируемых сущностей. В статье показано, что 1) примененные к языку понятия сенсорности и функциональности не могут считаться научно новыми, ибо соответствуют широко известным философским понятиям эмпиризма и рационализма; 2) подходы Аристотеля и Дж. Лакоффа к определению связанных с языком мыслительных категорий нельзя признать антагонистичными, потому что они дополняют друг друга; 3) выдвинутое А. Д. Кошелевым положение о языковой корреляции онтогенеза и филогенеза не является научно новым, поскольку впервые было предложено еще Л. С. Выготским и в настоящее время активно разрабатывается; 4) расширение перечня лингвистически важных когнитивных наук когнитивными структурами представляет собой подмену понятия, а предложение включить социологию в число лингвистически важных когнитивных наук представляется запоздалым; 5) объяснение эволюционной корреляции этноса и его языка моделью человека, в которой мышление и язык подчиняются деятельности, не выдерживает критики, поскольку не

учитывает, что любому выбору нового вида деятельности предшествует обуславливающее качество мышления восприятие такой возможности как альтернативы, из чего следует, что влияющее на язык мышление не подчиняется деятельности, а мотивирует выбор ее видов; б) расширение моргановской периодизации этнического прогресса периодами механизации, компьютеризации и роботизации некорректно, поскольку они являются результатами свойственного только цивилизации развития альтернативности восприятия и обусловленной ею абстрактности мышления и, как следствие, продуктами возникшей только при этих когнитивных условиях теоретической науки, что обуславливает неотделимость механизации, компьютеризации и роботизации от цивилизации.

Ключевые слова: сенсорный (эмпирический) подязык, функциональный (рационалистический) подязык, мыслительные категории, эволюция, онтогенез и филогенез, когнитивные науки, этнос и язык, периодизация этнического прогресса, восприятие.

S. L. POPOV. ON THE SCIENTIFIC AND MESSIANIC NOVELTY OF A. D. KOSHELEV EVOLUTIONARY-SYNTHETIC THEORY OF LANGUAGE.

The article analyzes the correctness of the identification of the essential nature of A. D. Koshelev Evolutionary-Synthetic Theory of Language as being scientifically new and quite well-founded. It is consistently proved that the scientific and messianic novelty of this theory is quite local, and the theory itself does not seem sufficiently thought out in terms of causes and effects of postulated entities. The article shows that 1) the concepts of sensoryness and functionality applied to the language cannot be considered scientifically new, because they correspond to the well-known philosophical concepts of empiricism and rationalism; 2) the approaches of Aristotle and J. Lakoff to the recognition of mental categories related to the language cannot be considered antagonistic, because they complement each other; 3) the proposition put forward by A. D. Koshelev on the correlation of ontogenesis and phylogenesis cannot be considered scientifically new, since it was first proposed by L. S. Vygotsky and is currently actively developed; 4) the extension of the list of linguistically important cognitive sciences with cognitive structures is, in fact, a substitution of concepts; and the proposal to include sociology in the list of linguistically important cognitive sciences seems to be behind schedule; 5) the explanation of the evolutionary correlation of an ethnos and its language with a human model in which thinking and language are subject to activity does not hold up against criticism; because it does not take into account the fact that any choice of a new type of activity is preceded by a perception, that determines the quality of thinking, of such a possibility as an alternative; this implies that thinking which influences language does not obey activity, but motivates the choice of its types; 6) the extension of Morgan periodization of ethnic progress by periods of mechanization, computerization and robotization is incorrect, since they are the results of the development of alternative perception and the abstractness of thinking that is characteristic of civilization only and, as an effect, products arising only under these cognitive conditions of theoretical science, which makes the mechanization, computerization and robotization inseparable from civilization.

Key words: *sensory (empirical) sublanguage, functional (rationalistic) sublanguage, categories of thought, evolution, ontogenesis and phylogenesis, cognitive sciences, ethnos and language, periodization of ethnic progress, perception.*

Употребляя слово *мессианский* по отношению к эволюционно-синтетической языковой теории А. Д. Кошелева, мы ничего не преувеличиваем, поскольку уже в первых двух предложениях аннотации к монографии ее автор представляет свою концепцию во вполне мессианском духе, провозглашая, что она призвана избавить современную лингвистику от потрясших ее противоречий несовместимых концепций: «В монографии показывается, что на протяжении последних 50 лет теоретическая лингвистика находится в кризисе, поскольку представляет собой множество взаимно противоречащих доктрин. Эволюционно-синтетическая теория языка нацелена на преодоление данного кризиса» [4, с. 4].

Целью настоящей статьи является рассмотрение корректности определения сущности эволюционно-синтетической языковой теории А. Д. Кошелева как научно новой и достаточно глубоко аргументированной.

1. Научная новизна понятий сенсорного и функционального подязыков и оправданность терминов «сенсорный» и «функциональный». В той же аннотации к

монографии автор пишет, что язык есть «развивающаяся в онтогенезе дуальная система: универсальный сенсорный подязык + лингвоспецифичный функциональный подязык, где сенсорный подязык используется для описания «видимого» (доступного чувственному восприятию) мира, а функциональный подязык — для описания мыслимого («постигаемого разумом») мира» [4, с. 4]. И здесь прежде всего мы вынуждены обратить внимание на тот факт, что противопоставляемое автором как сенсорное и функциональное давно описано в истории философии как восходящее к древнегреческой философии и продолжающееся до сих пор противостояние двух философских направлений, известных никак не менее противостоящих философских направлений материализма и идеализма и получивших названия эмпиризма и рационализма, которые расходятся в трактовке истинности знания: эмпиристы настаивают на том, что истинное знание может опираться только на чувственный (сенсорный) опыт, в то время как рационалисты признают истинным и знание, полученное мыслительным (рациональным) путем (подробнее об этом — см. аналитическую работу И. Н. Буровой [2]). Так что, если следовать научным терминологическим традициям, автору корректнее было бы назвать выделяемые им подязыки не сенсорным и функциональным, а эмпирическим и рационалистическим. Профессиональному лингвисту несложно понять, что *эмпирическое* и *рационалистическое* противопоставляются диаметрально антонимически, то есть более логично, чем *сенсорное* и *функциональное*, где второе как минимум многозначно (требование немногочисленности терминологии общеизвестно), ибо термины «функциональный» и «функциональность», как известно, не всегда обозначают в лингвистике одно и то же, не говоря уже о термине «функционализм», обозначающем целое лингвистическое направление, и совершенно очевидно, что содержание термина «функциональный» никак не ассоциируется с заявленным автором его толкованием как «мыслимого (постигаемого разумом)», то есть рационалистического. Более того, сам автор в этой же монографии пользуется словом *функциональный* и не значении «мыслимый (постигаемый разумом)»: «Рассмотрим теперь складной туристский нож, имеющий, кроме лезвия, ложку, вилку и штопор. Последние три части не являются функциональными, поскольку они не вносят никакого вклада в общую функцию ножа 'разрезать что-либо, держа его в руке'. Аналогично, если в оправу очков для красоты вмонтированы бриллианты, они также не являются функциональными частями» [4, с. 62], — что лишний раз доказывает неудачность термина «функциональный».

2. Научная новизна понятий сенсорного и функционального подязыков и корректность признания «антагонизма» подходов Аристотеля и Дж. Лакоффа к определению вырабатываемых мышлением категорий. На фоне известного философского противопоставления эмпирического и рационалистического направлений познания логично встает вопрос о научной новизне открытия в естественном языке соответствующих этим познавательным направлениям структур: «сенсорного», то есть эмпирического, и «функционального», то есть рационалистического, подязыков. Очевидно, говорить об открытии в данном случае (абстрагировавшись от терминологических недочетов) можно, но с оговоркой его не самой яркой новизны, поскольку это открытие по сути представляет собой перенесение хорошо известных в философии понятий (о существовании которых, судя по всему, автор не знал, что в данном случае оправдывает его) на языковые структуры. В свое время подобные открытия сделали, например, Л. И. Скворцов, когда обоснованно применил к разновидностям языковой нормы юридические, восходящие к римскому праву понятия императивности и диспозитивности [9, с. 50], и Л. А. Новиков, когда уместно применил в лексической антонимии логические понятия контрастности и комплементарности [6, с. 15-16].

Стоит задуматься над тем, действительно ли выделенные А. Д. Кошелевым подязыки снимают противоречие (автор применяет слово *антагонизм*, но слово *противоречие* является логическим термином, имеющим общенаучное значение) понимания категорий Аристотелем и Дж. Лакоффом. Первый описывал категории, коррелирующие с «функциональным», то есть рационалистическим, подязыком, а второй фиксирует категории, коррелирующие с «сенсорным», то есть эмпирическим, языком. Получается, что каждый из них по-своему прав, но, понятно, что, не охватив человеческие категории в целом, каждый из них проявил поверхностное восприятие. Именно на первый взгляд, кажется, что подходы Аристотеля и Дж. Лакоффа непримиримы, поскольку они кажутся такими лишь при взгляде на них с позиций друг друга, но не сверху. При более

вдумчивом, обобщенном подходе, то есть при взгляде сверху, строй мышления – логика уже не позволяет считать, что понимания категорий Аристотелем и Дж. Лакоффом противоречат друг другу, потому что они комплементарно друг друга дополняют (мы ведь не считаем, что антонимы *холостой* и *женатый* противоречат друг другу), что нивелирует авторскую идею мессианского снятия данного противоречия, представленную в словах: «Предложенное решение снимает антагонизм подходов Аристотеля и Дж. Лакоффа и его единомышленников к определению человеческих категорий» [4, с. 56].

3. Научная новизна гипотезы о языковой корреляции онтогенеза и филогенеза.

А. Д. Кошелев постоянно проводит мысль о соотношении понятий онтогенеза и антропогенеза: закономерности развития ребенка, то есть онтогенез, автор считает ключом к пониманию закономерностей развития человека в противопоставлении его развитию других живых существ, то есть к пониманию антропогенеза. Однако существует и другое, с логической точки зрения – более естественное, соотношение онтогенеза, А. Д. Кошелевым, к сожалению, игнорируемое: еще Л. С. Выготский выдвинул гипотезу о речевой корреляции онтогенеза с филогенезом, то есть развитием человечества в целом в противопоставлении не животному миру, как в случае с антропогенезом, а развитию ребенка, то есть онтогенезу. Именно понятие филогенеза автоматически выводит на понятие обусловленной различными факторами, включая ландшафт и климат (по Льву Гумилеву), а также вероятность контактов с другими этносами, разной скорости когнитивной эволюции у разных этносов и (чаще всего) их языков, что в свою очередь выводит на понятие первобытных этносов и их языков. А. Д. Кошелев приводит факты из языков первобытных народов, проводя параллели с языками цивилизованных детей, но упомянутая гипотеза Л. С. Выготского и посвященная ей современная литература А. Д. Кошелеву неизвестна.

К гипотезе Л. С. Выготского автор в конце концов мимоходом приходит сам спустя десятилетия после того, как это сделал выдающийся психолог: «Естественно предположить (со всеми принятыми в таких случаях оговорками), что универсальный язык ребенка «соответствует» универсальному протоязыку прачеловека» [4, с. 41]. То, что А. Д. Кошелев не знаком с гипотезой Л. С. Выготского и работами ученых, которые и сегодня ее разрабатывают, тем более удивительно потому, что именно А. Д. Кошелев является написавшим предисловие издателем сборника (как и главным редактором выпустившего этот сборник издательства «Языки славянских культур») расширенных текстов докладов участников Круглого стола «Коммуникация человека и животных: Взгляд лингвиста и биолога» (Москва, 2007 г.), среди которых есть и доклад А. Н. Барулина (причем помещенный в этом сборнике первым, сразу после предисловия А. Д. Кошелева), в котором он сообщает: «Гипотеза о том, что так же, как эмбриональное развитие плода повторяет в основных чертах в сжатом виде филогенетическую историю вида, развитие речи в филогенезе повторяется в сжатом виде в основных чертах в развитии речи у ребенка, в свое время была высказана Л. С. Выготским. В настоящее время гипотеза о параллелях между онтогенетическим и филогенетическим развитием не только не устарела, она активно разрабатывается...» [1, с. 52].

4. Научная новизна и качество расширения перечня лингвистически важных когнитивных наук. А. Д. Кошелев предлагает расширить традиционный перечень таких наук следующим образом: «В первоначальном определении ... в понятие «когнитивная наука» (или «когнитивизм») были включены: психология, антропология, философия, нейронауки, лингвистика и искусственный интеллект. Мы считаем, что следует расширить это понятие, включив в него весь круг основных наук о человеке: восприятие, представление знаний, мышление, социологию (ее аспекты, связанные с языком и рефлексивными представлениями человека), теории внимания, эмоций, памяти, биодвижений и др.» [4, с. 141]. Здесь, во-первых, трудно не заметить своеобразно-новаторское понимание восприятия, представления знаний и мышления как «наук», которые, вне всяких сомнений, являются не науками, а когнитивными структурами – частями общего понятия когниции. Во-вторых, именно эти когнитивные структуры традиционно изучаются когнитивной психологией как частью общей психологии, отмеченной автором как когнитивная наука «в первоначальном определении». В-третьих, названные автором как новаторски подлежащие изучению «связанные с языком» «аспекты» «социологии» уже не первое десятилетие изучает специальная пограничная наука –

социолингвистика, а включить социологию в число важных для лингвистики дисциплин призывал еще Э. Сэпир [10, с. 237-238].

Здесь, после первых четырех разделов статьи, трудно не процитировать мудрые слова гениального историка, философа и палеопсихолога Б. Ф. Поршнева, которые как нельзя лучше описывают важнейший научный принцип – запрет, автором критикуемой нами концепции не учтенный: «В науке нет такого запретного соседнего или дальнего участка, где висела бы надпись: «Посторонним вход запрещён». Учёному всё дозволено – всё перепроверить, всё испробовать, всё продумать, не действительны ни барьеры дипломов, ни размежевание дисциплин. Запрещено ему только одно: быть не осведомлённым о том, что сделано до него в том или ином вопросе, за который он взялся» [8, с. 14].

5. Научная новизна, глубина и корректность решения вопроса об эволюционной корреляции этноса и его языка. При решении этих вопросов А. Д. Кошелев, ссылаясь на известный труд Л. Моргана, в котором история этнического прогресса делится на периоды дикости, варварства и цивилизации [5], проектирует на эту периодизацию свою концепцию двух подъязыков (сенсорного и функционального), занимающих вместе с мышлением положение, подчиненное деятельности. Более того, автор предлагает дополнить периодизацию Л. Моргана неизвестными этому, XIX века, исследователю периодами механизации и компьютеризации, а также – в плане массовости пока гипотетической – роботизации [4, с. 456-482]. В целом, как известно, стратегия соединения двух концепций в одну в науке применяется часто и, как правило, считается делом новаторским. Но насколько глубокими по своей познавательной силе оказываются такие построения – вопрос не праздный, ибо такая глубина бывает различной, а недостаточная познавательная глубина концепций обуславливает некорректность их положений.

В целом соглашаясь с периодизацией Л. Моргана, А. Д. Кошелев на каждом переходе к новому периоду прогресса фиксирует расширение видов человеческой деятельности, которым подчиняются и на осуществление которых работают мышление и язык: «Если присмотреться к выделенным Морганом ступеням прогресса, то легко заметить, что главным маркером следующей ступени прогресса служит появление в обществе существенно нового вида деятельности: огонь и рыбная пища (средняя ступень дикости), лук и стрела (высшая ступень дикости), гончарное производство (низшая ступень варварства), животноводство и земледелие, использования необожженного кирпича и камня для постройки домов (средняя ступень варварства), обработка железа (высшая ступень варварства), фонетическое письмо (период цивилизации). Этот вывод дает основание полагать, что главным критерием эволюции этноса является расширение его видов деятельности» [4, с. 458].

Мы не уверены в том, что для определения гончарного производства как качественно нового вида деятельности, приводящего в итоге к профессиональной специализации занимающихся ею людей, требуются значительные умственные усилия. Но мы вправе рассчитывать на такое познавательное углубление, как корректное выявление когнитивной причины расширения описываемых языком видов деятельности (как пророчески указывал А. Е. Кибрик еще в 1982 году, «если лингвистика недавнего прошлого допускала лишь вопросы типа «как?» и избегала вопросов «почему?», то теперь ситуация должна коренным образом измениться: нужны именно ответы на вопросы типа «почему?», поскольку только они могут что-либо объяснить» [3: 25]), чего автор не предпринимает, возводя деятельность во всё себе подчиняющий абсолютизм. Для нас же совершенно очевидно, что, прежде чем переходить к новому виду деятельности, нужно воспринять возможность перехода к такому виду деятельности как альтернативу уже освоенным видам деятельности. Из этого следует, что функционирование такой когнитивной структуры, как восприятие, предшествует переходу к новому виду деятельности (предшествует выбору ее нового вида). И здесь очень важно знать, что в когнитивной психологии восприятие представляется как категоризирующая когнитивная структура, обеспечивающая качество логики как строя мышления и имеющая три степени: синкретичное восприятие (невосприятие различий и признаков, обуславливающее отсутствие категоризации), поверхностное восприятие (восприятие наиболее заметных различий и признаков, категоризация по которым часто ошибочна) и – перцептивная норма – альтернативное восприятие (восприятие всех различий и признаков, обуславливающее корректность категоризации) (подробнее о

степенях восприятия – см. [7, с. 5-105]). Именно альтернативное восприятие как нормативная степень восприятия, обуславливающая лучшее качество строя мышления – логики, и обуславливает выбор новых видов деятельности. Столь тесная связь работы (предшествующего выбору) восприятия с мышлением обеспечивает очевидное понимание того, что тесно связанное с языком мышление не может занимать по отношению к избираемой человеком деятельности подчиненное положение – перцептивно обусловленное мышление предшествует выбору деятельности и, следовательно, является наиболее важной структурой в когнитивной модели человека. Ни в коем случае не претендуя на научную новизну идеи главенства мышления человека над его деятельностью, мы рассчитываем на то, что показанный нами перцептивно-логический подход к выявлению соотношения понятий мышления, языка и деятельности может считаться достаточно глубоким и понятийно корректным.

6. Научная новизна, глубина и корректность решения вопроса о расширении моргановской периодизации. Что касается расширения А. Д. Кошелевым моргановской периодизации сопровождаемого эволюцией языка этнического прогресса периодами механизации и компьютеризации, то вряд ли можно усомниться в том, что эти два периода понятийно включаются в период цивилизации. Во-первых, важно помнить, что первые машины (от стенобитных и камнеметательных до протокомпьютера Алана Тьюринга) были изобретены именно в этот период задолго до массового распространения машин и компьютеров. Во-вторых, вдумчивый поиск сущности цивилизационного взрыва, знаменовавшего отход от варварства, позволяет понять, что революционное достижение цивилизационного периода состоит не столько в изобретении (как хорошо известно, финикийцами, и, безусловно, интересно знать, почему именно ими) фонетического письма, как и в создании пифагорейцами теоретической, а не только практической, как это было до них, науки (это суть следствия, а не причины), сколько в достижении человеческим восприятием альтернативности и, соответственно, мышлением абстрактности, ибо, чтобы воспринять альтернативу, в том числе чтобы представить речь состоящей из звуков, нужно уметь осознать, что потоки звучащей речи есть альтернации отдельных звуков, различать которые можно только абстрагируясь от одних звуков и осознавая альтернативные ему другие звуки. Более того, как сказано выше в отношении пифагорейцев, указанное цивилизационное достижение человеком альтернативности восприятия и обусловленной им абстрактности мышления является главным условием появления теоретической науки, продуктами которой и являются механизация и компьютеризация. В отношении предполагаемой А. Д. Кошелевым массовой роботизации нетрудно представить, что она будет сочетать в себе достижения механизации и компьютеризации, а любой робот может быть представлен как компьютеризированная машина. Поэтому выделение роботизации в качественно отдельный период корректным признать трудно. В целом же очевидно, что от обусловленного достижением альтернативности восприятия и абстрактности мышления цивилизационного периода со свойственными только ему продуктами механизации, компьютеризации и роботизации последние понятийно неотделимы и по причине пребывания в логическом отношении включения в понятие цивилизации не могут считаться отдельными периодами прогресса, понятийно равноценными цивилизационному.

Таким образом, в статье последовательно доказано, что в предложенной А. Д. Кошелевым эволюционно-синтетической языковой теории: 1) понятия сенсорности и функциональности (в анализируемой концепции – подязыков) не могут считаться научно новыми, ибо соответствуют широко известным философским понятиям эмпиризма и рационализма; 2) подходы Аристотеля и Дж. Лакоффа к определению вырабатываемых мышлением категорий, коррелирующие с предложенными А. Д. Кошелевым в таком случае не научно новыми понятиями соответственно функционального и сенсорного подязыков, нельзя признать антагонистичными, потому что они не противоречат друг другу, а друг друга дополняют; 3) мысль о языковой корреляции онтогенеза и филогенеза, к которой А. Д. Кошелев приходит самостоятельно, не является научно новой, поскольку впервые была высказана еще Л. С. Выготским и в настоящее время активно развивается; 4) расширение перечня лингвистически важных когнитивных наук когнитивными структурами представляет собой логическую ошибку, известную как «подмена понятия», а предложение включить социологию в число важных для лингвистики когнитивных наук представляется несколько запоздалым; 5) объяснение эволюционной корреляции этноса и его языка

моделью человека, в которой мышление и язык подчиняются деятельности (чем больше видов деятельности – тем развитее мышление и язык), не выдерживает критики, поскольку не учитывает того факта, что любому выбору нового вида деятельности предшествует восприятие такой возможности как альтернативы, то есть альтернативное восприятие, которое как перцептивная норма обеспечивает наилучшее качество логики как строя мышления, из чего следует, что в указанной модели человека обусловленное качеством восприятия и влияющее на язык мышление не подчиняется деятельности, а мотивирует выбор ее видов; 6) расширение моргановской периодизации этнического прогресса периодами механизации, компьютеризации и роботизации невозможно признать корректным по той причине, что они являются результатами свойственного только цивилизации развития альтернативности восприятия и обусловленной ею абстрактности мышления и, как следствие, продуктами возникшей только при этих когнитивных условиях теоретической науки, что обуславливает неотделимость механизации, компьютеризации и роботизации от цивилизации. Из сказанного следует, что научно-мессианская новизна эволюционно-синтетической языковой теории А. Д. Кошелева является вполне относительной, а сама теория представляется недостаточно глубоко продуманной в отношении причин и следствий постулируемых сущностей. Сложно согласиться с тем, что не вполне новая и не до конца продуманная в понятийном отношении теория может быть признана достаточным основанием для снятия противоречий современных лингвистических концепций, из каковых противоречий не все таковыми являются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барулин А. Н. К аргументации полигенеза // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 41–58.
2. Бурова И. Н. Развитие проблемы бесконечности в истории науки: (На материалах истории философии и математики). М.: Наука, 1987. 131 с.
3. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
4. Кошелев А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 528 с.
5. Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Издательство института народов севера ЦИК СССР, 1935. 368 с.
6. Новиков Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка.. М.: Рус. яз., 1984. С. 5-30.
7. Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография. Харьков: НТМТ, 2013. 150 с.
8. Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: «ФЭРИ-В», 2006. 640 с.
9. Скворцов Л. И. Норма. Литературный язык. Культура речи // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Наука, 1970. С. 40-103.
10. Сэпир Э. Положение лингвистики как науки / Э. Сэпир // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С. 231-238.

REFERENCES

1. Barulin A. N. K argumentacii poligeneza / A. N. Barulin // Razumnoe povedenie i yazyk. Vyp. 1. Kommunikativnye sistemy zhivotnyh i yazyk cheloveka. Problema proiskhozhdeniya yazyka / Sost. A. D. Koshelev, T. V. Chernigovskaya. — M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. — S. 41–58.
2. Burova I. N. Razvitie problemy beskonechnosti v istorii nauki: (Na materialah istorii filosofii i matematiki) / I. N. Burova; Otv. red. I. I. Golovin; AN SSSR, Kaf. filosofii. — M.: Nauka, 1987. — 131,[2] s.
3. Kibrik A. E. Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya (universal'noe, tipovoe i specifichnoe v yazyke) / A. E. Kibrik. — M.: Izd-vo MGU, 1992. — 336 s.
4. Koshelev A. D. Ocherki evolyucionno-sinteticheskoy teorii yazyka / A. D. Koshelev. — M.: Izdatel'skij Dom YASK, 2017. — 528 s. — (Razumnoe povedenie i yazyk. Language and Reasoning.)

5. Morgan L. G. Drevnee obshchestvo, ili Issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k civilizacii. — L.: Izdatel'stvo instituta narodov severa CIK SSSR, 1935. — 368 (XVI, 352) s.

6. Novikov L. A. Russkaya antonimiya i ee leksikograficheskoe opisanie // L'vov M. R. Slovar' antonimov russkogo yazyka: Bolee 2000 antonim. par / Pod red. L. A. Novikova. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Rus. yaz., 1984. — S. 5-30.

7. Popov S. L. Kognitivnye osnovaniya evolyucii form russkogo sintaksicheskogo soglasovaniya: Monografiya / S. L. Popov. — Har'kov: NTMT, 2013. — 150 s.

8. Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoj istorii (Problemy paleopsihologii) / B. F. Porshnev. — Pod red. B. A. Didenko. — M.: «FERI-V», 2006. — 640 s.

9. Skvorcov L. I. Norma. Literaturnyj yazyk. Kul'tura rechi / L. I. Skvorcov // Aktual'nye problemy kul'tury rechi. — M.: Nauka, 1970. — S. 40-103.

10. Sepir E. Polozhenie lingvistiki kak nauki / E. Sepir // Zvegincev V. A. Istoriya yazykoznanija XIX–XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah. — 3-e izd., dop. — CH. II. — M.: Prosveshchenie, 1965. — S. 231-238.

Попов Сергей Леонидович — доктор филологических наук, профессор, профессор факультета русского языка Южнокитайского университета имени Сунь Ятсена (КНР). ORCID ID: 0000-0002-3257-6245. E-mail: sl.popov@yahoo.com

(Статья поступила в редакцию 1 октября 2019 г.)